

Вечером, не дожидаясь девяти часов, Сюй Эр уже лежал на кровати, обняв тыкву-горлянку, а вокруг кровати были разложены толстые подушки и одежда.

Однако Сюй Эр был слишком взволнован и никак не мог заснуть. Он лежал, считая числа и глядя в потолок, и лишь под утро его начало клонить в сон.

Роскошная комната, убранная в экзотическом стиле, жареный целиком ягнёнок, большие пиалы с вином, грубые манеры, просторные халаты.

Всё это совсем не походило на эпоху Мин.

Эпоха Юань. Говорят, фарфор того периода чрезвычайно редок.

Сюй Эр не нравилось в этом сне отношение хозяина к слугам — как к скоту. Он испытывал глубокую жалость к той девушке, которая, оставшись одна, либо плакала, либо читала, а когда хозяин заходил в комнату, вынуждена была напускать на себя весёлый вид.

Её забрали силой. Ради своей семьи она была вынуждена оставаться с этим мужчиной.

Бесчисленные одинокие ночи она проводила, вынимая различные драгоценные камни и бусины, подаренные ей хозяином, и бросала их в сине-белую тыкву-горлянку, словно играя в старинную игру.

Это была единственная забава, приносившая ей радость.

На следующее утро Сюй Эр проснулся уже в десять часов. Долгое время он не мог прийти в себя, продолжая держать в руках тыкву-горлянку.

Та девушка умерла в двадцать лет, скончавшись от болезни. Перед смертью она кашляла кровью, и это зрелище разрывало сердце.

Перед смертью она подарила эту тыкву-горлянку маленькой девочке, с которой была дружна. Та девочка, вероятно, была дочерью хозяина.

Возможно, завтра он увидит историю другой девушки. Сюй Эр не был уверен.

Сны рождаются из навязчивых мыслей и сильных эмоций прежних владельцев. Если к предмету не питали глубоких чувств, то и снов не возникнет. Чем сильнее эмоции, тем реалистичнее сон.

Сине-белая тыква-горлянка с пионами была для той девушки единственным источником утешения,местилищем её одиночества и безысходности.

Но для маленькой девочки это, возможно, было просто красивым украшением.

Во сне было слишком много негативных эмоций. Сюй Эр встал, умылся холодной водой, затем вышел в уличный магазинчик, чтобы позвонить Старейшине Го. Он не осмелился сказать прямо про юаньский сине-белый фарфор, лишь упомянул, что в этом сине-белом изделии, похоже, использовалась краска сумали, и выразил желание вместе с Го изучить этот вопрос.

Старейшина Го пришёл в невероятное возбуждение и сразу же велел Сюй Эр ехать с вещью в Зал Сокровищ, пообещав скоро быть там.

— Ха-ха, вот мы с тобой опять сможем поддеть старого Чжана! Неважно, эпоха Юнлэ это или

Сюаньдэ, даже если Хунси или Чжэнтун — всё равно сокровище. Старик Чжан наверняка такое редко видел!

Недавно, слушая их перепалку, Сюй Эр узнал, что Старейшина Го и Старейшина Чжан были одноклассниками в старшей школе, а потом вместе поступили в университет. Их дружба была необычайно крепкой.

Фактически, они помнили события из жизни друг друга так хорошо, что могли в любой момент использовать это, чтобы подшутить или поставить в неловкое положение.

Сюй Эр привёл себя в порядок, взял тыкву-горлянку и поехал на такси на улицу Дунтай.

Раньше он думал, что это сине-белый фарфор эпохи Мин, поэтому спокойно принёс его с собой в сумке. Но юаньский сине-белый фарфор... Сюй Эр не смел так рисковать. Если бы он случайно повредил его, то умер бы от разрыва сердца.

Сюй Эр, бережно прижимая к себе рюкзак, вошёл в Зал Сокровищ и увидел, что внутри собрались трое-пятеро клиентов, о чём-то оживлённо беседуя.

Сюй Эр не стал мешать. В мире антиквариата во время совершения сделки присутствие третьих лиц недопустимо.

Пришлось выйти обратно в вестибюль и прогуляться там, разглядывая экспонаты.

Стоит отметить, что в вестибюле Зала Сокровищ действительно было пару предметов, окружённых светящимся ореолом, но все они находились под стеклянными колпаками. Можно было лишь смотреть сквозь стекло, трогать запрещалось.

— Эй, братец Сюй, чего ты тут торчишь? Хозяин в комнате отдыха на третьем этаже, — сказал молодой приказчик из Зала Сокровищ, Чэн Цян. Он был там вчера, когда Сюй Эр продавал Монеты Пяти Императоров, именно он водил его оформлять квитанцию, поэтому парень знал Сюй Эра и был в курсе, что тот — протеже их хозяина.

— А-Цян, ты сегодня тоже на смене? Я только что заходил, но там кто-то торговался, неудобно было вмешиваться, — обрадовался Сюй Эр, увидев знакомое лицо. — Всё равно надо подождать, зайду позже.

— Что, опять принёс что-то хорошее, чтобы продать нам? — Чэн Цян, заметив сумку в руках у Сюй Эра, подшутил. — Ты, случаем, не Старейшину Го ждёшь? Он уже наверху. Хозяин ещё из окна тебя увидел, а ты всё не шёл, вот он и послал меня тебя найти.

— Правда? Но я только что ему позвонил и сразу же выехал. На такси. А он живёт далеко. Как он успел раньше меня?

— Наверное, ты в пробку попал. В последнее время на этих двух улицах каждый день заторы. Старейшина Го ехал с другой стороны, весь путь был свободен, — улыбнулся Чэн Цян.

Сюй Эр задумался. Действительно, всю дорогу были пробки.

— Пошли, те, наверное, уже закончили, — Чэн Цян заглянул внутрь, увидел, что кто-то уже пошёл рассчитываться, и поманил Сюй Эра наверх.

Сюй Эр, бережно прижимая рюкзак, вошёл внутрь и как раз разминулся с уходящей группой.

Когда те уже отошли подальше, он с облегчением вздохнул и собрался подниматься по лестнице, но тут произошёл инцидент.

— Ой, я забыла зеркальце на прилавке! — раздался сзади звонкий, милостивый голосок.

— Ничего, ничего, Сяоминь, я сейчас схожу, принесу, — тут же, подобострастным тоном, отозвался мужской голос.

— Разойдись, разойдись!

Сюй Эр почувствовал, как кто-то сильно толкает его в спину. Всё его тело понеслось в сторону соседнего стеллажа с антиквариатом. В последний момент, уже не контролируя себя и готовясь вместе с тыквой рухнуть на стеллаж, он успел подумать: «Надеюсь, Старейшина Чжан, учитывая наше знакомство, заставит меня заплатить лишь по реальной стоимости вещей».

В конце концов, на этом стеллаже в основном стояли предметы декоративно-прикладного искусства — красивые, но не столь ценные, как настоящие антикварные редкости.

Он не упал. Сюй Эр открыл глаза и увидел, что его удерживает Чэн Цян. Благодарность переполнила его до краёв.

— А-Цян, да ты просто молодец! — Другой приказчик, который придержал покачнувшийся стеллаж, одобрительно показал Чэн Цяню большой палец, а затем обернулся к мужчине позади Сюй Эра, и его лицо исказилось от гнева. — Ты вообще понимаешь, где находишься? Если что-то разобьёшь, какая из этих вещей тебе по карману?

Этот приказчик как раз сопровождал тех клиентов и знал, что этот мужчина — всего лишь переводчик, который вёл себя с индонезийскими бизнесменами так подобострастно, что аж тошно было.

— Да я же просто слегка задел! Это он сам не устоял! Ты чего разорался? Говорю тебе, видал я таких, кто подстраивает падения! Не пытайся меня запугать! Я цены знаю — в вашем зале ничего настоящего нет!

Сюй Эр осторожно приоткрыл рюкзак, убедился, что с тыквой всё в порядке, и с облегчением выдохнул. Но, услышав эти наглые оправдания, ярость мгновенно вспыхнула в нём.

Завернув тыкву получше, Сюй Эр обернулся. Перед ним стоял мужчина в строгом костюме, с аккуратными усиками, маленькими глазками-щёлочками — типичный образчик офисного работника. Он стоял, уперев одну руку в бок, а другой тыча пальцем в говорившего приказчика, с видом крайнего возмущения, будто перед ним совершили самое гнусное преступление.

— Ты это что такое говоришь? Устраивать скандал пришёл? Эй, ты сам человека толкнул, а ещё возгордился?

— А что такого? Разве я не прав? Я в ваш магазин уже много раз приходил, на одну и ту же вещь каждый раз разную цену называют! Говорю же — у вас цены как попало, вот я и пожалуюсь! — Голос мужчины в костюме, переводчика Цяня, становился всё громче, привлекая внимание людей с верхних этажей. Те стали спускаться и собираться вокруг, наблюдая за разворачивающимся представлением.

— Переводчик Цянь, к чему этот шум? В антикварной лавке следует вести себя осторожно. Раз толкнул человека — просто извинись, — работодатель переводчика Цяня, пожилой господин лет семидесяти с весьма представительной внешностью, видя, что ситуация накаляется, вернулся вместе со своей свитой и попытался замять конфликт, надеясь, что сторона магазина учтёт, что он — клиент, и не станет усугублять. А этого переводчика Цяня он твёрдо решил уволить по возвращении.

Хотя Сюй Эр и не понимал, зачем этому старику, прекрасно говорившему по-китайски, вообще нужен был переводчик, это не мешало ему испытывать глубокую неприязнь к этому типу.

— Устраивать дебош в моей лавке и думать, что отделаешься извинением? Слишком красиво мечтаешь. А-Цян, позвони-ка Кунь Ци. Скажи, тут один тип скандалит. Я хочу, чтобы он больше никогда не мог скандалить.

— Будет сделано, хозяин! — Чэн Цян, услышав распоряжение, тут же откликнулся и направился к телефону. Переводчик Цянь от этих слов побледнел и затрясся.

|

<http://bllate.org/book/16299/1470189>